

ув очи ня лѣзъ и в опосли людзіомъ нѣ жалився! А цѣперъ вотъ, пановѣ, попался у ѣты кросны, што вотъ подстарость; сувавшись 2^м якъ рынився, дыкъ нѣгдзи изгинишь; апяць у мянѣ и сыновыхъ сыновъ, якъ дѣбовъ, што па ихъ вотъ цяпѣръ и ништо ни давѣдайтца, яны рады што старого з двора збыли. Хухъ, ажъ встамився, вжожъ таки адыхнѣ, авось таки каторый ци ня придзиць.

(л. 68) Сынъ.

Бацка! гу, агу, Бацка! Идзѣ ты ета забрiовъ, кѣды ѣта цябѣ хварыши занясли?

Мужикъ.

Оухъци мнѣ! ета маяго сына голась, во нѣгдзѣ ни далiока у навинахъ.

Сынъ.

А во iонъ! Бацка (2^м), ци ты ужо! Мы цябѣ да^{но} праждался. Хто цябѣ сюды занiосъ, ци ни фарыши?

Мужикъ.

Ци фарыши, ци ни фарышы, а былъ; ци вы з маткою харашы: усiо якъ идзи, дакъ идзи у Любавичи, чи ни пападзѣтца чаго гуляючи. Пашовъ, ажну вотъ цяпѣръ и самъ попался, виць тамъ ни па нашему, ни такъ, якъ у насъ наши папы ни глядзяць ничего, а тамъ усiо хазаны да ляхи, и гаворки ихъ нѣ познаишь.

Сынъ.

А што ты, бацка, вѣдаешъ?

Мужикъ.

А што?

Сынъ.

Ци не разабю я тябѣ етыхъ манистовъ?